

УДК 343.228

DOI: 10.34670/AR.2026.92.67.039

Развитие института необходимой самообороны в российском законодательстве: формирование критериев применения

Гойда Димитрий Даниилович

Студент,

Кубанский государственный университет,

350016, Российская Федерация, Краснодар, ул. Котлярова Н.С., 10;

e-mail: goyda-2002@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы реализации института необходимой обороны в российском уголовном праве. Анализируются оценочные критерии превышения её пределов, закреплённые в ст. 37 УК РФ, и связанные с ними противоречия судебной практики. Показывается, что отсутствие чётких формализованных ориентиров ведёт к избыточному усмотрению правоприменителей, формированию обвинительного уклона и необоснованному привлечению граждан к ответственности. Обосновывается необходимость законодательного закрепления приоритета субъективного восприятия угрозы самим обороняющимся, а также введения презумпции сниженной способности лица к объективной оценке опасности в момент нападения. Предлагается комплекс мер, включающий разработку межведомственного акта для следственных органов с детальными алгоритмами действий, перераспределение бремени доказывания и изменение профессиональных установок сотрудников правоохранительных структур.

Для цитирования в научных исследованиях

Гойда Д.Д. Развитие института необходимой самообороны в российском законодательстве: формирование критериев применения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 325-332. DOI: 10.34670/AR.2026.92.67.039

Ключевые слова

Необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, оценочные категории, явное несоответствие, защита прав граждан.

Введение

Институт необходимой обороны относится к числу важнейших правовых механизмов, позволяющих гражданам защищать себя и других лиц от противоправных посягательств. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право охранять свои права и свободы любыми способами, которые не запрещены законом. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния, даёт человеку возможность причинить вред нападающему без наступления уголовной ответственности. Однако на практике применение данного института сопряжено с серьёзными сложностями, связанными прежде всего с нечёткостью законодательных критериев.

Основная часть

Действующая редакция ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) выделяет две группы ситуаций. В первой из них, когда посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни, или с непосредственной угрозой такого насилия, защита признаётся правомерной в любом объёме, вплоть до лишения жизни нападающего. Во второй группе, охватывающей все иные случаи, необходимо оценивать, не было ли допущено превышения пределов необходимой обороны. Закон определяет превышение как умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Именно категории «явное несоответствие», «характер» и «опасность» являются оценочными и порождают множество споров как в теории, так и на практике [Кабельков, Федюшкин, 2025].

Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении № 19 от 27.09.2012 даёт разъяснения, какие обстоятельства следует учитывать при оценке правомерности обороны: объект посягательства, способ его совершения, тяжесть возможных последствий, место и время, неожиданность, число участников, наличие оружия, физические и психические возможности оборонявшегося [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»]. Однако перечисленные ориентиры не устраняют главной проблемы – итоговый вывод остаётся на усмотрение судьи, что порождает противоречивую судебную практику [Прохорко, 2024].

Большинство ученых склонны указывать на отрицательный эффект от использования в законах формулировок, допускающих широкое толкование.

Так, Е.В. Арефьев приводит сопоставление двух приговоров, позволяющее увидеть суть проблемы. В первом деле судьи оправдали человека, причинившего смертельные травмы нападавшему с помощью тяпки, хотя изначальный ущерб от действий посягавшего оценивался как вред средней тяжести. Суд исходил из того, что само нападение носило опасный характер, а закон не ограничивает защищающегося в выборе средств отражения агрессии. Во втором деле подсудимый, восприняв замах кулаком с зажатым ключом как угрозу, применил нож и был признан виновным в выходе за рамки необходимой обороны. Свое решение суд обосновал тем, что происшествие имело место у входа в заведение общественного питания, а у лица, привлекаемого к ответственности, сохранялась возможность обратиться за помощью к посторонним [Арефьев, 2024].

Анализ материалов показывает очевидное несоответствие: в первом судебном акте применен пункт 1 Постановления Пленума ВС РФ № 19, закрепляющий право на необходимую оборону независимо от того, имелась ли у обороняющегося возможность избежать нападения

или позвать других лиц. Во втором случае суд отошел от этого предписания. Данные различия в судебных актах показывают, что единые по своему содержанию руководящие позиции вышестоящего суда могут трактоваться прямо противоположным образом [Прохорко, 2024].

Т.М. Тхазеплов указывает на следующее: сложности использования этого правового механизма порождены большим числом оценочных категорий, которые не привязаны к строгим количественным или фактическим критериям. Из-за этого на практике нередко возникают ошибки при квалификации действий. Особую зону неопределённости, по мнению указанного автора, образуют временные границы допустимой обороны, а также то, как сам защищающийся субъективно оценивает происходящее. Представитель полиции указывает, что в состоянии стресса восприятие внешней обстановки может серьёзно искажаться, и судьям следует принимать это во внимание [Тхазеплов, 2023]. Тезис о том, что допустимость превентивных мер остаётся дискуссионной, также иллюстрирует общую проблему отсутствия ясных правил. Остаётся открытым вопрос: обязан ли гражданин дожидаться непосредственного физического контакта, либо он вправе действовать на опережение, если опасность очевидна? Действующее законодательство и разъяснения Пленума не исключают такой возможности, упоминая «непосредственную угрозу применения насилия», однако оценочная природа этого понятия оборачивается на практике тем, что подобные действия чаще трактуются против самого обороняющегося.

Главная причина сложившейся ситуации – отсутствие чётких критериев для оценки соразмерности защиты. Из-за этого правоприменитель вынужден оценивать поведение оборонявшегося как внешний наблюдатель, анализирующий происшествие в спокойных условиях и не учитывающий стресс, испуг и внезапность, которые объективно снижают способность человека трезво оценивать обстановку [Тхазеплов, 2023].

М.В. Морозов приводит примеры из судебной практики, показывающие, что даже Верховный Суд РФ нередко вынужден пересматривать приговоры нижестоящих судов в отношении граждан, защищавших себя от посягательств. Автор фиксирует устойчивую тенденцию к обвинительному подходу и фактическому игнорированию указаний Пленума ВС РФ, особенно в тех частях, которые касаются оценки момента перехода оружия к нападающему и внезапности атаки. Разобранные судебные эпизоды дают основания утверждать, что отсутствие чётких ориентиров оборачивается прямыми ущемлениями прав граждан [Морозов, 2025].

Проблема усугубляется обвинительной направленностью правоприменения: для следователя возбуждение дела и направление его в суд нередко оказывается менее рискованным решением, чем признание обороны законной. Как следствие, статистика показывает, что из сотен дел, связанных с необходимой обороной, оправдательных приговоров выносятся крайне мало [Элязян, 2024].

Дополнительную сложность вносит необходимость разграничения превышения пределов необходимой обороны и состояния аффекта. И то, и другое относится к категориям, не имеющим строгих количественных измерителей, поэтому их различение на практике сопряжено с заметными трудностями. Я.В. Гармышев и В.С. Ишигеев полагают, что определяющую роль при таком разграничении играют субъективные факторы, и выдвигают предложение использовать в качестве основного критерия причину возникновения соответствующего состояния, а именно – необходимость противодействия посягательству. В научной литературе предлагается в качестве основного критерия рассматривать причину возникновения состояния – именно защита от посягательства должна быть определяющим фактором [Гармышев, Ишигеев, 2023].

Некоторые учёные обращают внимание и на терминологический аспект, предлагая заменить словосочетание «необходимая оборона» на «правомерная защита». На первый взгляд, такая замена может восприниматься как техническая правка, однако она затрагивает суть проблемы. Слово «оборона» в быденном сознании, и, что принципиально, в судебной практике, нередко связывается с действиями, которые должны быть соразмерны нападению. В то время как понятие «защита» смещает фокус на конечную цель таких действий – предотвращение вреда и устранение угрозы, а не на их внешнее соответствие характеру посягательства. Это позволило бы сместить акцент с симметричности ответных действий на их цель – ограждение от опасности [Элязян, 2024].

С.Н. Кабельков и А.В. Федюшкин акцентируют внимание на психологической стороне вопроса, отправной точкой для них служит утверждение, что право на отражение нападения коренится в инстинкте самосохранения. Однако данный естественный механизм вступает в противоречие с предписаниями позитивного права, которые требуют от человека, спасающего собственную жизнь, соизмерять свои действия с некими рамками. Ученые ставят вопрос, на который в законе нет прямого ответа: где проходит этот рубеж, как его определить и, главное, как не переступить. В решениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ фактически содержится отсылка к усмотрению органов, возбуждающих уголовное преследование. В результате лицо, отразившее агрессию, изначально оказывается в положении подозреваемого и должно обосновывать законность собственных действий. Такой порядок, как полагают авторы, несёт обвинительную направленность [Кабельков, Федюшкин, 2025]. С этим выводом следует согласиться: действующая конструкция не обеспечивает гражданину презумпцию невиновности, поскольку сам по себе факт причинения вреда выступает достаточным поводом для возбуждения дела, а не стимулом к всесторонней оценке произошедшего.

В.Е. Луценко и А.С. Бондарев выделяют две разновидности выхода за рамки допустимой обороны: защита, начатая преждевременно либо продолженная после прекращения посягательства, и применение мер, явно не соответствующих степени угрозы. Дополнительно эти авторы предлагают переименовать ст. 37 УК РФ в «Причинение вреда при необходимой обороне», полагая, что такой заголовок точнее отражает содержание нормы [Луценко, Бондарев, 2025]. По мнению ученых, термин «явное несоответствие» остается неопределенным и допускает разночтения. Выход они видят в законодательном закреплении следующего правила: под явным несоответствием следует понимать неравенство вреда, которое очевидно для любого участника происшествия, в том числе для обороняющегося. Однако и это дополнение не снимает проблему, потому что сам критерий «очевидности для всех» отсылает к представлениям стороннего наблюдателя и, следовательно, тоже относится к числу оценочных, что в ситуации преступного нападения вряд ли может стать надежным измерителем.

А.С. Руденко и И.А. Тараканов рассматривают эту проблему под другим углом, обращаясь к зарубежному опыту, в частности, к опыту Ирана. В иранском праве в некоторых случаях допускается оборона без каких-либо ограничений по степени причиняемого вреда (например, при краже, грабеже, похищении человека или посягательстве на честь). Сопоставление с этим регулированием приводит их к выводу: российские нормы выглядят более строгими и ставят защищаемого в менее выгодное положение, нежели нападающего. Вместе с тем они понимают, что механическое заимствование таких правил для России невозможно из-за отличий в правовой культуре [Руденко, Тараканов, 2024]. Однако сам факт постановки вопроса о том, в каких случаях допустима активная защита, они полагают вполне оправданным и актуальным.

Т.Н. Прохорко формирует развернутую схему, раскрывающую внутреннее строение института необходимой обороны и вариантов его превышения. Обращаясь к субъективной

стороне, она оперирует термином «правоубеждённости», поясняя, что в подобных случаях движущей силой поступков служит стремление оградить личные блага, а не предумышленное повреждение чужих прав. Данный теоретический подход обладает несомненной ценностью и обязан фигурировать при любой попытке дать юридическую оценку событию. Помимо этого, предложена ступенчатая методика правовой оценки происшествия: вначале надлежит исследовать обстановку, затем выяснить фактическую причину действий и соотнести характеристики содеянного с предусмотренными законом показателями. Однако, как обращают внимание иные эксперты, даже четкая пошаговая инструкция не искореняет главную проблему, поскольку все отправные данные на каждой стадии по-прежнему не имеют строгих количественных измерителей.

Многие специалисты сходятся на том, что нынешняя нормативная модель, задающая границы допустимой обороны, имеет существенный изъян: в ней отсутствуют ясные и бесспорные критерии. Оценочные формулировки закона вкупе с противоречивой практикой судов приводят к тому, что исход дела всё чаще зависит не от конкретных обстоятельств произошедшего, а от субъективного мнения того, кто ведёт производство или рассматривает дело в суде. В итоге формируется устойчивая практика: для правоприменителя запустить уголовное преследование и направить материалы в суд оказывается менее рискованно, чем прекратить дело, признав действия защищавшегося правомерными. А это, в свою очередь, увеличивает количество неправосудных решений, пересмотр которых отнимает много сил и времени на этапах апелляции и кассации.

Ключевой пробел действующего регулирования состоит в том, что законодатель не закрепил приоритет субъективного восприятия угрозы самим обороняющимся. Человек, отражающий нападение, не может в условиях дефицита времени, стресса и страха провести точный расчёт соразмерности своих действий. Оценка поведения такого лица должна основываться на данных о его действительном психоэмоциональном состоянии в момент происшествия. Ещё А.Ф. Кони обращал внимание на то, что требовать абсолютного соответствия между способами защиты и нападения допустимо только в теории, но не в практической действительности.

Определённые позитивные изменения связывают с появлением части 2.1 статьи 37 Уголовного кодекса РФ, в которой закреплено, что действия лица не признаются превышением пределов необходимой обороны, если внезапность посягательства лишила его возможности объективно определить характер и степень угрозы. Тем не менее, сама эта норма сохраняет оценочный характер, и на практике её применение остаётся эпизодическим [Морозов, 2025].

Для устранения отмеченных проблем предлагается комплекс взаимосвязанных решений. Первое – закрепить на законодательном уровне опровержимую презумпцию того, что лицо при отражении нападения находится в состоянии сниженной способности к объективной оценке опасности. При этом обязанность доказывания иного должна лежать на следствии и суде – им надлежит предоставить убедительные сведения о том, что оборонявшийся осознавал заведомое несоответствие своих действий и умышленно причинил чрезмерный вред. Если же таких данных нет, а обстоятельства дела допускают неоднозначное истолкование, все противоречия толкуются в пользу лица, применявшего защитные меры [Луценко, Бондарев, 2025].

Основной вектор совершенствования должен заключаться в переносе центра тяжести с привычной «объективистской» схемы, когда происшествие оценивается посторонним лицом в спокойной обстановке, на углублённое изучение внутреннего состояния защищавшегося непосредственно в момент отражения агрессии. Ещё в дореволюционной правовой мысли высказывалась мысль, что ожидать от человека, застигнутого нападением, бесстрастного

расчёта и точного сопоставления ответных действий с уровнем опасности – значит предъявлять заведомо неисполнимые требования. Исходя из этого, наиболее удачной представляется конструкция, при которой в законе закрепляется исходное допущение: гражданин, пресекающий противоправное посягательство, находится в условиях пониженной возможности трезво оценивать масштаб угрозы. Внезапность атаки, сжатые временные рамки, психоэмоциональное напряжение, опасение за собственную жизнь или благополучие близких – эти обстоятельства неизбежно сокращают способность человека к взвешенному анализу и выбору наиболее адекватного варианта противодействия.

Второе возможное направление работы – подготовка межведомственного акта с участием Верховного Суда РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ. Такой акт должен принципиально отличаться от ныне действующего Постановления Пленума № 19, которое ориентировано главным образом на судебную стадию и регулирует вопросы рассмотрения дел в суде.

Предлагаемый документ следует адресовать следователям и дознавателям, закрепляя для них ясную последовательность действий на этапе решения вопроса о возбуждении дела и при проведении неотложных следственных мероприятий. В нём необходимо детально прописать порядок анализа обстоятельств, указывающих на возможное наличие состояния обороны, сделать обязательным назначение соответствующих экспертных исследований (включая психологические) для установления того, как именно лицо воспринимало степень угрозы, а также определить особый порядок допроса защищавшегося, исключающий изначальную обвинительную направленность.

В предлагаемом акте надлежит закрепить положение, в силу которого запуск уголовного преследования в отношении лица, применившего силу для отражения посягательства, возможен лишь в виде исключения – при наличии очевидных и не вызывающих сомнений доказательств того, что защита вышла за дозволенные рамки. Иными словами, необходимы сведения, которые без всякого сомнения свидетельствуют о намеренном характере причиненного вреда и его очевидной несоразмерности угрозе. Если же таких данных нет либо они не обладают бесспорностью, выносится решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия признаков преступного деяния.

Завершающее предложение касается планомерной трансформации профессионального мировоззрения сотрудников правоохранительных органов. Гражданин, осуществивший необходимую оборону, должен расцениваться не в качестве возможного правонарушителя, а как лицо, реализующее принадлежащее ему конституционное право. Для внедрения такого восприятия требуется скорректировать образовательные программы подготовки и переподготовки следователей, дознавателей, прокурорских работников и судей, а также дополнить их специализированными практическими пособиями, формирующими навыки беспристрастного анализа обстановки при защите от посягательств.

Заключение

Таким образом, устранение нечёткости в определении границ необходимой обороны требует коренной смены принципов оценки поведения защищавшегося лица. Предложенный комплекс мер – закрепление презумпции ограниченной способности к оценке угрозы, принятие межведомственного акта с детальными алгоритмами для следственных органов и переориентация профессиональных установок сотрудников правоприменительных структур – способен последовательно устранить существующие недостатки правового регулирования. При

реализации этих предложений субъективное восприятие опасности самим защищавшимся получит приоритет над абстрактными критериями стороннего наблюдения, а обязанность доказывания чрезмерности защиты будет возложена на государственные органы.

Библиография

1. Арефьев, Е. В. Проблемы практического применения критериев правомерности необходимой обороны / Е. В. Арефьев // Актуальные вопросы публичного права : Материалы XXIII Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 619-627.
2. Гармышев, Я. В. Необходимая оборона: проблемные аспекты теории и практики, пути совершенствования законодательства России / Я. В. Гармышев, В. С. Ишигеев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 3(41). – С. 17-25.
3. Кабельков, С. Н. Актуальная проблематика применения мер необходимой обороны / С. Н. Кабельков, А. В. Федюшкин // Вестник ВИЭПП. – 2025. – № 1. – С. 192-199.
4. Луценко, В. Е. Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере превышения пределов необходимой обороны / В. Е. Луценко, А. С. Бондарев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 558-562.
5. Морозов, М. В. Необходимая оборона: проблемы применения норм / М. В. Морозов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : Материалы XXVIII международной научно-практической конференции. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 127-129.
6. Прохорко, Т. Н. Институт необходимой обороны в современном уголовном законодательстве: понятие, правовая природа, основные элементы / Т. Н. Прохорко // Высокие технологии и инновации в науке : Сборник статей L международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2024. – С. 64-69.
7. Руденко, А. С. Специфика законодательного закрепления права на необходимую оборону в уголовном законодательстве России и Ирана / А. С. Руденко, И. А. Тараканов // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 3(72). – С. 158-164.
8. Тхазеплов, Т. М. Институт необходимой обороны: проблемы применения и пути их решения / Т. М. Тхазеплов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 278-282.
9. Элязян, А. Ш. Отдельные проблемы института необходимой обороны в законодательстве и правоприменительной практики в Российской Федерации / А. Ш. Элязян // Вестник Российского университета кооперации. – 2024. – № 4(58). – С. 82-87.

Development of the Institution of Necessary Self-Defense in Russian Legislation: Formation of Criteria for Application

Dimitrii D. Goida

Student,

Kuban State University,

350016, 10, Kotlyarova N.S. str., Krasnodar, Russian Federation;

e-mail: goyda-2002@mail.ru

Abstract

The article examines the problems of implementing the institution of necessary defense in Russian criminal law. The evaluative criteria for exceeding its limits, enshrined in Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the related contradictions of judicial practice are analyzed. It is shown that the absence of clear formalized guidelines leads to excessive discretion of law enforcers, the formation of an accusatory bias, and the unjustified prosecution of citizens. The

necessity of legislatively enshrining the priority of the subjective perception of the threat by the defending person himself/herself, as well as introducing a presumption of the person's reduced ability to objectively assess the danger at the moment of the attack, is substantiated. A set of measures is proposed, including the development of an interdepartmental act for investigative bodies with detailed algorithms of actions, the redistribution of the burden of proof, and the change of professional attitudes of law enforcement officers.

For citation

Goida D.D. (2026) Razvitiye instituta neobkhodimoy samooborony v rossiyskom zakonodatel'stve: formirovaniye kriteriev primeneniya [Development of the Institution of Necessary Self-Defense in Russian Legislation: Formation of Criteria for Application]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 325-332. DOI: 10.34670/AR.2026.92.67.039

Keywords

Necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, evaluative categories, apparent discrepancy, protection of citizens' rights.

Referents

1. Arefyev, E. V. Problems of practical application of criteria of legality of necessary defense / E. V. Arefyev // Current issues of public law: Proceedings of the XXXVII All-Russian scientific conference. - Ekaterinburg: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 2024. - Pp. 619-627.
2. Garmyshev, Ya. V. Necessary defense: problematic aspects of theory and practice, ways of improving the legislation of Russia / Ya. V. Garmyshev, V. S. Ishigeev // Siberian criminal procedure and forensic readings. - 2023. - No. 3 (41). - Pp. 17-25.
3. Kabelkov, S. N. Current issues of application of measures of necessary defense / S. N. Kabelkov, A. V. Fedyushkin // Bulletin of VIEPP. - 2025. - No. 1. - P. 192-199.
4. Lutsenko, V. E. Improvement of criminal legislation and law enforcement practice in the sphere of exceeding the limits of necessary defense / V. E. Lutsenko, A. S. Bondarev // Law and state: theory and practice. - 2025. - No. 5. - P. 558-562.
5. Morozov, M. V. Necessary defense: problems of application of norms / M. V. Morozov // Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice: Proceedings of the XXVIII international scientific and practical conference. - Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - P. 127-129.
6. Prokhorko, T. N. Institute of Necessary Defense in Modern Criminal Legislation: Concept, Legal Nature, Basic Elements / T. N. Prokhorko // High Technologies and Innovations in Science: Collection of Articles from the L International Scientific Conference. - St. Petersburg: Private Scientific and Educational Institution of Continuing Professional Education, Humanitarian National Research Institute "NATSRZAVITIE", 2024. - Pp. 64-69.
7. Rudenko, A. S. Specifics of Legislative Consolidation of the Right to Necessary Defense in the Criminal Legislation of Russia and Iran / A. S. Rudenko, I. A. Tarakanov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. - 2024. - No. 3 (72). - Pp. 158-164.
8. Tkhezeplov, T. M. Institute of Necessary Defense: Problems of Application and Ways to Solve Them / T. M. Tkhezeplov // Gaps in Russian Legislation. - 2023. - Vol. 16, No. 4. - P. 278-282.
9. Elyazyan, A. Sh. Certain Problems of the Institute of Necessary Defense in Legislation and Law Enforcement Practice in the Russian Federation / A. Sh. Elyazyan // Bulletin of the Russian University of Cooperation. - 2024. - No. 4 (58). - P. 82-87.